

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК 39(092)“1903/1912”

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/317-324

А.Е. Загребин

ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ И БИБЛИОФИЛ СТЕФАН КИРОВИЧ КУЗНЕЦОВ: МОСКОВСКИЕ ГОДЫ*

Пореформенные годы в России стали временем становления плеяды этнографов, для которых ощущение внутренней свободы соединилось с чувством личной сопричастности и желанием деятельности на благо изучаемых этнических сообществ. Одним из ярких представителей генерации исследователей финно-угорских народов России, работавших на рубеже XIX–XX вв. был этнограф С.К. Кузнецов. Служа в Казанском, затем в Томском университетах, он изучал духовную и материальную культуру марийцев и удмуртов Камско-Вятского региона, руководствуясь здравым смыслом и гуманистическими принципами. Выйдя в отставку и поселившись в Москве, Кузнецов сотрудничая с этнографическим отделом Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, опубликовал большую часть своих полевых собраний. Читая лекции по «Русской исторической географии» в Московском археологическом институте, он подготовил первые сводные монографии по этнической истории мери, мещеры, муромы, веси и мордвы.

Ключевые слова: этнография, археология, библиотека, С.К. Кузнецов, финно-угорские народы, марийцы, удмурты

Ссылка при цитировании: Загребин А.Е. Этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов: московские годы (1903–1912) // Вестник антропологии, 2021. № 1 (53). С. 335–341.

Одно из любопытных состояний переживается человеком, когда он достигает желаемых вершин, касается ли это карьерных успехов, или материального достатка, часто тесно связанных между собой. Нередко за ними наступает упадок жизненных интересов и угасание общественной активности. Гораздо проще новую реальность переживают люди, для которых служба является скорее средством, обеспечивающим возможности служения, ведущего к духовному благополучию. Свидетельством тому биографии многих деятелей науки. Не была исключением и судьба этнографа – финно-угроведа С.К. Кузнецова (1854–1913), для которого выход в отставку по выслуге лет с должности старшего библиотекаря Императорского Томского университета

Загребин Алексей Егорович – д.и.н. профессор РАН, главный научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4), Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр. 32-А). Эл. почта: zagreb72@izh.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

не стал драмой, наоборот – он освободил из плена обязательств его исследовательский потенциал. Библиотечное дело поглощало львиную долю сил не молодёжного ученого, отягощенного недугами и не самым покладистым нравом (*Смирнов* 2014). Теперь, в части публичной и публикационной активности, перед Кузнецовым открывалась весьма широкая перспектива, учитывая объем собранных им в молодые годы полевых материалов и открытость его натуры.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов происходил из русской крестьянской семьи Пахотной слободы близ уездного г. Малмыжа Вятской губернии (*Забудский* 1925: 101). Предки его прибыли в этот многоязычный и поликультурный край в рядах служилых людей, после присоединения Казанского ханства к Москве. Уже в детстве, «...у дедушки на пчельнике», он пытался интересоваться языком и обычаями соседей – марийцев, удмуртов и татар (*Кузнецов* 1906а: 29–31). Умение слушать и запоминать, пригодилось подающему надежды юноше в Казани, куда он приехал в 1870 г., поступив на «казённый кошт» сразу в третий класс I Казанской гимназии (*Семибратов* 2009: 5–6). Несколькими годами позже, получив министерскую стипендию, он стал студентом Императорского Казанского университета. В 1877 г., в числе лучших окончив историко-филологический факультет, Кузнецов был оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре римской словесности, с годичной командировкой в Дерптском университете.

А в душе молодого кандидата филологии уже царил раскол. Годом ранее С.К. Кузнецова избрали в члены-сотрудники Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества (далее ИРГО), отметив его очерки о быте марийских крестьян (*Журнал* 1877: 101). На летних каникулах он пробовал себя в качестве археолога (*Кузнецов* 1884а). Еще больше его растревожил IV археологический съезд, проходивший в начале августа 1877 г. в Казани. Наконец решившись, он принял обязанности хранителя университетского Музея этнографии, древностей и изящных искусств (с кабинетом монет и медалей) и вступает в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете (далее ОАИЭ). В 1880 г. Кузнецов прошел необходимые процедуры для получения должности приват-доцента, но проведение занятий по древнегреческому языку и поэзии Вергилия привлекает его зримо меньше, нежели «экскурсии» в инородческие селения, встречи с языческими жрецами, муллами и православными миссионерами (*Кузнецов* 1884б). В 1883 г. коллеги избрали музейного хранителя секретарем ОАИЭ, уверенные в его аккуратности и организаторских талантах. В эти годы, Кузнецов заинтересовался дохристианскими культурами марийцев и удмуртов, найдя себе достойных собеседников в лице финских и венгерских этнографов и лингвистов, подолгу живших в Казани, до и после экспедиций к родственным народам Среднего Поволжья (*Загребин* 2019: 142). Яркие выступления, полезные знакомства, регулярно выходящие публикации, растущее признание – казалось, все складывалось у него неплохо.

Однако, было что-то не позволявшее С.К. Кузнецову быть уверенным в истинности выбранного пути. Проблема была не только в пятисотрублевом музейном жаловании и иных бытовых неудобствах недавно обзаведшегося семьей приват-доцента. Скорее всего, отъезд в 1885 г. в недавно открытый Императорский Томский университет стал ответом на глубинный запрос «своего» большого дела, заняться которым предложил ему попечитель Западно-Сибирского учебного округа, профессор В.М. Флоринский (*Смирнов* 2017: 137–140). Поэтому следующие семнадцать лет

Кузнецов трудился над созданием лучшей в Сибири библиотеки. В отпускное время, памятуя о навыках проведения раскопок и опираясь на контакты в археологических кругах, он пробовал себя в «сибирском поле» (Матюшенко 2001: 38–39). Несмотря на неодобрительную реакцию руководства учебного округа, Кузнецов активно выступил в защиту удмуртов с. Мултан Малмыжского уезда, обвиняемых властями в принесении человеческой жертвы языческим богам (Кузнецов 1895). Остается не ясным, почему состоявшийся этнограф, оказавшись в таком этнически благодатном месте как Западная Сибирь, не занялся изучением народов региона.

Выслужив в 1903 г. положенный срок и выйдя в отставку статским советником, С.К. Кузнецов осознал, что теперь он не просто выбившийся в люди крестьянский сын, но и особа V-го класса с правами личного дворянства и приличной пенсией. Но самой дорогой его наградой стала свобода (Богданов 1913: 323). Теперь можно было посвятить время любимому научному делу, а накопленные материалы превратить в тексты. Покинув Томск и передав в надежные руки университетскую библиотеку, Кузнецов переехал в Москву, где стал членом-корреспондентом Московского Археологического Общества, а вскоре принял на себя секретарские обязанности в его археологической комиссии. В содружестве московских студентов-сибиряков, он вел библиографический кружок в дальнейшем ставший комиссией сибирской библиографии Русского библиографического общества (Иваск 1913). Ностальгическим воспоминанием о жизни в Томске стала его небольшая заметка о сибирском городском фольклоре (Кузнецов 1906б). Пробуя себя в разных науках, Кузнецов был и оставался, прежде всего, этнографом.

В московские годы жизни С.К. Кузнецов сблизился с этнографами, объединенными Императорским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (далее ИОЛЕАЭ). Неслучайно большая часть его работ того периода выходила в журнале этнографического отдела ИОЛЕАЭ – «Этнографическое обозрение». Сотрудничая с редакцией, Кузнецов не только предлагал к публикации свои труды, но и с помощью обзоров и рецензий, знакомил читателей с новыми работами зарубежных финно-угроведов, как это было в случае с издательским проектом его хорошего знакомого из Будапешта – члена-корреспондента Венгерской Академии наук Б. Мункачи, взявшегося за редактирование журнала «Keleti Szemle» (Восточное обозрение), в том числе печатая статьи авторов из России (Кузнецов 1904в). Пять из семи статей Кузнецов построил на материалах 1870–1880-х гг., когда гимназистом и студентом, потом преподавателем путешествовал по марийским, удмуртским и татарским селам по разным надобностям. Так, в очерке о крестьянском мироустройстве удмуртов, он писал: «Мои наблюдения за вотской общиной довольно стары: они относятся к 1883 г., когда я вместе с другими, под руководством Н.Ф. Анненского, производил (по поручению Казанского губернского земства) подворную перепись голодающего вотского населения в двух волостях Мамадышского уезда...» (Кузнецов 1904б: 26). Сильная сторона его научного метода состояла в «этнографическом реализме», как отмечал Н.С. Трубецкой, считавший Кузнецова одним из своих проводников в науку о народах и культурах (Трубецкой 1913). Описательность и конкретизация в данном случае становились преимуществом по сравнению с попытками конструировать реальность, подбирая подходящие по случаю цитаты и аналогии. Об искушениях такого рода он не раз писал в отношении трудов некоторых коллег (Кузнецов 1888, 1910б: 102, 106). Эру-

дитский склад ума и почти исчерпывающее знание этнографической литературы без труда позволили бы ему украсить свои публикации многочисленными ссылками на мнения авторитетных ученых, но Кузнецов предпочитал говорить о том, что видел сам и знал не понаслышке. И, все же, один раз Кузнецов прошел по этому пути, с большим или меньшим успехом, привлекая «не свой» археологический и этнографический материал в пространственно-временном измерении для иллюстрации «своей» изначальной идеи (Кузнецов 1906в). Как справедливо отметил его рецензент: «Работа С.К. Кузнецова изобилует параллелями и сближениями» (Харузина 1906: 330). Больше таких опытов он не предпринимал.

Скорее всего, за такую самостоятельность Отделение этнографии ИРГО в 1905 г. отметило малой золотой медалью и денежной премией работы С.К. Кузнецова о марийцах и удмуртах (Алфавитный список 1905–1907: 92, 167). В «московские годы» он возобновил регулярные поездки в родные края, очевидно, понимая, что за двадцать лет отсутствия в «иногородческих мирах» многое здесь могло перемениться. Новый век явно вдохнул в него свежие силы и желание работать.

В прежнем «реалистическом» ключе С.К. Кузнецовым были написаны статьи о религиозных обычаях, обрядах и движениях, свидетелем которых он был (Кузнецов 1904а, 1905б, 1908). Чего он, наверное, не ожидал – это критики. Совершенно внове было для Кузнецова ощутить, что его позиции, основанные на опыте многолетних наблюдений и понимании речи, могут быть поколеблены теми, кто не просто говорил, но и думал на марийском языке, при этом успешно излагал свои аргументы по-русски (Васильев 1910, 1915). За время службы в Сибири, он не успел заметить, что в Казани и Вятке выросло новое поколение выходцев из марийских и удмуртских деревень, получивших светское или духовное образование, и стремящихся изучать и представлять культуру своих народов. Взаимопонимания с ними у Кузнецова не возникло (Попов 2005: 74–75). Может быть, это обстоятельство в какой-то степени повлияло на коррекцию его приоритетов, мотивируя поиски источников по древней истории финноязычного населения России.

Являясь страстным библиофилом, он начал с анализа письменных свидетельств о легендарной стране Биармии, чей мифологизированный след будил исследовательскую активность со времени появления трудов А.С. Лерберга и А.И. Шёгрена (Кузнецов 1905а). Дальнейшее развитие тема источниковедения и историографии получила в педагогической деятельности, раскрывшей его лучшие человеческие качества.

В 1907 г. С.К. Кузнецов вошел в число учредителей Московского археологического института (далее МАИ), вместе с директором – А.С. Успенским и попечителем – бывшим министром народного просвещения В.Г. Глазовым, определяя образовательные стратегии будущих археологов и археографов. Примечательно, что, читая в МАИ сразу несколько разнородных курсов, Кузнецов не претендовал на лекции по этнографии, среди соискателей которых отдавал предпочтение В.Н. Харузиной, отмечая, что: «...её курс очень обстоятелен, она отличный лектор и руководитель» (Керимова 2011: 458). Тем не менее, он быстро вышел на главную тему, определив ее как «Русскую историческую географию». Цикл, прочитанный в 1907/1908 уч. гг., Кузнецов посвятил финноязычному населению северо-восточной Руси – мере, мещере, муроме и веси, – племенам, стоявшим у истоков российской государственности, но пока малоизученным (Кузнецов 1910а). Смысл, который он вкладывал в свою дисциплину, заключался в соединении данных географии (хорографии), археологии,

антропологии и этнографии. Чувствуя перспективы начатого, профессор МАИ шел дальше на восток, к мордве (*Кузнецов* 1912). В его планах был еще более широкий финно-угорский горизонт, но продолжало подводить здоровье.

В 1912 г., по-видимому, ощущая, что силы его слабеют от прогрессирующего туберкулеза, профессор покинул Москву, оставив так много ему давший МАИ и научные общества. Он стремился в Малмыжский уезд, чьих пределов не покидал надолго никогда, приезжая в отпуск, заезжая к друзьям, «проходя» по знакомым местам в текстах статей и отчетов. В город детства он перевез немалую часть своей библиотеки и этнографических коллекций, так как был уверен, что накопленные «богатства» пригодятся землякам. И не ошибся. Закончится мировая война и начнется Гражданская, а в Малмыже возникнет Историческое общество, объединившее русских, марийских и удмуртских исследователей края (*Юрталов* 2009: 482). Книги и мысли С.К. Кузнецова еще долго будут служить его последователям.

Источники и материалы

- Алфавитный список 1905–1907 – Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского Географического Общества. СПб, 1905–1907. 79 с.
- Журнал 1877 – Журнал заседания Отделения Этнографии – 22 апреля 1877 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества, 1877. Т. 13. С. 101–102.
- Кузнецов* 1884а – Кузнецов С.К. Атамановы кости: Могильник бронзовой эпохи близ села Черемисского Малмыжа и деревни Ахпая, в Малмыжском уезде Вятской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1884. Т. 3. С. 394–410.
- Кузнецов* 1884б – Кузнецов С.К. Отрывки из дорожных заметок во время этнографической экскурсии по Вятской губернии в 1880 году // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1884. Т. 3. С. 260–276.
- Кузнецов* 1888 – Кузнецов С.К. Ложная ученость. Томск: тип. «Сибирского вестника», 1888.
- Кузнецов* 1895 – Кузнецов С.К. О мултанском деле // Сибирский вестник, 1895. № 173, 175, 176.
- Кузнецов* 1904а – Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 60. С. 67–90.
- Кузнецов* 1904б – Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 63. С. 24–49.
- Кузнецов* 1904в – Кузнецов С.К. Keleti Szemle – Revue Orientale pour les etudes ouralo-altaïques // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. 63. С. 172–174.
- Кузнецов* 1905а – Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. Обзор исторических, археологических и этнографических данных // Этнографическое обозрение, 1905. Кн. 65–66. С. 1–95.
- Кузнецов* 1905б – Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Этнографическое обозрение, 1905. Кн. 64. № 1. С. 129–157.
- Кузнецов* 1906а – Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 68–69. № 1–2. С. 29–51.
- Кузнецов* 1906б – Кузнецов С.К. Из сибирской народной сатиры // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 67. № 4. С. 118–119.
- Кузнецов* 1906в – Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1906. Т. 22. С. 75–118.
- Кузнецов* 1908 – Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорта // Этнографическое обозрение, 1908. Кн. 79. № 4. С. 1–59.

- Кузнецов 1910а – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. 1. (меря, мешера, мурома, весь). М.: Московский Археологический Институт, 1910. 202 с.
- Кузнецов 1910б – Кузнецов С.К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // Этнографическое обозрение, 1910. Кн. 84-85. № 1-2. С. 76–113.
- Кузнецов 1912 – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1908–1909 г. Вып. 2. (мордва). М.: Московский Археологический Институт, 1912. 73 с.

Научная литература

- Богданов В.В. 1913. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение, 1913. № 1–2. С. 323–325.
- Васильев В.М. 1910. Заметки по поводу этнографических очерков С.К. Кузнецова «Из воспоминаний этнографа», «Черемисская секта “Кугу сорта”» // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1910. Т. 26. Вып. 1-2. С. 161–162.
- Васильев В.М. 1915. Отношение черемис к половой распущенности. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1915. 24 с.
- Забудский 1925. Некоторые данные к биографии археолога Ст. Кир. Кузнецова (Записал О. Забудский) // Труды Малмыжского музея местного края, 1925. Июль-сентябрь. Вып. 9. С. 101–103 / Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 7685. Рукопись.
- Загребин А.Е. 2019. Бернат Мункачи и венгерское финно-угроведение на рубеже XIX–XX вв. // Вестник антропологии, 2019. № 2. С. 140–149.
- Иваск У.Г. 1913. Иваск Некролог С.К. Кузнецова // Библиографические известия, 1913. № 3. С. 257–258.
- Керимова М.М. 2011. Керимова Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных. М: Восточная литература, 2011. 759 с.
- Матющенко 2001 – Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Т. 1. Омск: Омский гос. ун-т., 2001. 179 с.
- Попов Н. 2005. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение, 2005. № 1. С. 58–78.
- Семибратов В.К. 2009. О жизни и творчестве С.К. Кузнецова // С.К. Кузнецов. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2009. С. 5–15.
- Смирнов А.С. 2014. «... Чего стоила мне эта библиотека...». Письмо первого библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова библиофилу А.Н. Островскому. 1886 год // Отечественные архивы, 2014. № 2. С. 103–118.
- Смирнов А.С. 2017. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2017. Т. 37. № 4. С. 134–155.
- Трубецкой Н.С. 1913. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение, 1913. Кн. 96-97. № 1-2. С. 325–326.
- Харузина В.Н. 1906. Кузнецов С.К. Погребальные маски // Этнографическое обозрение, 1906. Кн. 70-71. № 3-4. С. 330.
- Юрпалов А.Ю. 2009. К истории Малмыжского исторического общества // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 480–484.

Zagrebin. Aleksei*

Ethnographer, Archeologist and Bibliophile Stefan Kirovich Kuznetsov: Moscow Years

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/317-324

The post-reform years in Russia were the time of formation of ethnographers, for whom a

sense of inner freedom was combined with a sense of personal belonging and a desire to work for the benefit of the ethnic communities they studied. One of the brightest representatives of the generation of researchers of the Finno-Ugric peoples of Russia who worked at the turn of the 19th–20th centuries was the ethnographer S.K. Kuznetsov. While serving at Kazan and then Tomsk universities, he studied the spiritual and material culture of the Mari and Udmurts of the Kama and Vyatka region, guided by common sense and humanistic principles. After retiring and settling in Moscow, S.K. Kuznetsov collaborated with the ethnographic Department of the Imperial Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography, and published most of his field collections. While lecturing on “Russian historical geography” at the Moscow Archaeological Institute, he prepared the first consolidated monographs on the ethnic history of Merja, Meshchera, Muroma, Ves` and Mordvins.

Keywords: *Ethnography, Archeology, Library, S.K. Kuznetsov, Finno-Ugric peoples, the Mari, the Udmurts*

For Citation: Zagrebin. A.E. 2021. Ethnographer, Archeologist and Bibliophile Stefan Kirovich Kuznetsov: Moscow Years. *Herald of Antropology (Vestnik Antropologii)* 1 (53): 335–341.

*Zagrebin Aleksei E. – Doctor of Sciences (History), RAS Professor, Udmurt Institute of History, Language and Literature Ural Branch of RAS PAH (426004 Izevsk, Lomonosov st., 4); Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (119991 Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A). E-mail: zagreb72@izh.com

The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Bogdanov, V.V. 1913. S.K. Kuznetsov. *Etnograficheskoe obozrenie* 96–97 (1–2): 323–324.
- Ivask, U.G. 1913. Nekrolog S.K. Kuznetsova [Obituary of S.K. Kuznetsov]. *Bibliograficheskie izvestiya* 3: 257–258.
- Kerimova, M.M. 2011. *Zhizn`, otdannaya nauke: sem`ya etnografov Kharuzinykh* [A life devoted to science: the Kharuzin family of ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Kharuzina V.N. 1906. Kuznetsov S.K. Pogrebal'nye maski [Funeral masks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 70–71 (3–4): 330.
- Popov, N. 2005. Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariitsev i udmurtov [S.K. Kuznetsov's contribution to study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie* 1: 58–78.
- Semibratov, V.K. 2009. O zhizni i tvorchestve S.K. Kuznetsova. *S.K. Kuznetsov. Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoria* [S.K. Kuznetsov. Shrines. Cult of ancestors. Ancient history]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Smirnov, A.P. 2014. “... Chego stoila vne eta biblioteka...”. Pis'mo pervogo bibliotekarya Tomskogo universiteta S.K. Kuznetsova bibliofilu A.N. Ostrovskomu. 1886 god [... What this library cost me...]. Letter from the first librarian of Tomsk University S.K. Kuznetsov to bibliophil A.N. Ostrovskii. 1886]. *Otechestvnyye arkhivy* 2: 103–118.
- Smirnov, A.P. 2017. Stefan Kirovich Kuznetsov – chlen Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Stefan Kirovich Kuznetsov – member of the Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 4 (37): 134–155.
- Trubetskoi N.S. 1913. S.K. Kuznetsov. *Etnograficheskoe obozrenie* 96–97 (1–2): 325–326.
- Vasilev, V.M. 1915. *Otnoshenie cheremis k polovoii raspushennosti* [Cheremis attitude to sexual promiscuity]. Kazan: Tip.-lit. Imperatorskogo universiteta.
- Vasilev, V.M. 1910. Zametki po povodu etnograficheskikh ocherkov S.K. Kuznetsova “Iz vospominanii etnografy”, “Cheremisskaya sekta “Kugu Sorta” [Notes on Kuznetsov's ethnographic essays “From the memoirs of an ethnographer”, “Cheremis Sect “Large Candle”]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* 26 (1–2): 161–162.

- Yurpalov A. Yu. 2009. K istorii Malmyzhskogo istoricheskogo obshchestva [To the history of Malmyzh historical Society]. *Finno-ugry – slaviane – tyurki: opyt vzaimodeistvia (tradicii i novacii)* [Finno-Ugric peoples – Slavs – Turks: experience of interaction (traditions and innovations)]. Izhevsk: Udmurt University press: 480–484.
- Zabudskii, O. 1925. Nekotorye dannye k biografii arkhologa St. Kir. Kuznetsova [Some data on the biography of the archaeologist Art. Cyrus. Kuznetsova]. *Trudy Malmyzhskogo muzeya mestnogo kraya. Iyul'-sentyabr'* [Proceedings of the Malmyzh Museum of the Local Territory. July-September] 9: 101–103.
- Zagrebin, A. Ye. 2019. Bernat Munkachi i vengerskoe finno-ugrovedenie na rubezhe XIX–XX vv. [Bernát Munkácsi and Hungarian finno-ugric studies at the turn of 19th and 20th centuries]. *Vestnik antropologii* 2: 140–149.